

С. Сивуха, ЕГУ

Психологическое исследование: факты, этика и политика

Психологическое исследование: факты, этика и политика // Гендерный подход в психологических исследованиях и консультировании / Под ред. Е.И. Крукович, Ю.Г. Фроловой. – Минск: ЕГУ, 2002. – С. 26–34.

Эта статья навеяна оживленными дискуссиями о возможностях и ограничениях психологии, о ее месте современном мире и в системе социальных и поведенческих наук, которые автор вел в последнее время со своими коллегами. Одна из последних дискуссий касалась работы психолога с травматическим опытом людей. Автор настаивал на том, что психологические прикладные исследования и практика чрезмерно политизированы, в ущерб данным и эмпирическим свидетельствам. Это касается, в частности, работы с людьми, имеющими посттравматические стрессовые расстройства или подвергшимися в детстве сексуальному насилию.

Споры явно приобретали этическую окраску. Одна сторона исходила из того, что посттравматическое стрессовое расстройство часто искусно имитируется лицами, не имеющими других способов обеспечить достойную жизнь своим семьям, кроме как искать материальной помощи от государства или частных фондов, а детские сексуальные травмы извлекаются пациентами из памяти для того, чтобы продолжать получать психологическую помощь от своих психотерапевтов. Тем самым распространенность тех и других нарушений искусственно преувеличивается, и эта игра поддерживается профессионалами, которые рассчитывают получить грант или сохранить клиентов. Такая этическая позиция требует, чтобы мы в совершенно позитивистской манере установили истину и вели себя в соответствии со своим понимаем социальной и профессиональной ответственности. Иного взгляда на вещи придерживались коллеги, руководствующиеся *этикой участия*: мы обязаны помогать всем нуждающимся независимо от их искренности и мотивации их поведения. С этой точки зрения, вопрос об истине бессмыслен. Психотерапевт обязан верить своему клиенту в той же степени, как этнограф своему информанту.

В последнюю четверть XX-го века почти все науки отказались от наивных представлений о том, что академические исследования, этика и политика могут быть отделены друг от друга. Все, кроме, пожалуй, психологии. Здесь позитивистские традиции и идеалы оказались не только живучими, но и довольно воинственными. По иронии судьбы, один из самых значительных скандалов последних десятилетий, которые касались взаимоотношений науки и общества, случился именно в психологии.

В июле 1998 г. в журнале «Psychological Bulletin» была опубликована статья Б. Ринда, Ф. Тромовича и Р. Баузермана «Мета-аналитическое исследование предполагаемых последствий сексуального насилия над детьми по данным студенческой выборки» (Rind et al, 1998). В этой работе авторы критически проверяют четыре распространенных убеждения по поводу долговременных последствий сексуального насилия над детьми (СНД): насилие причиняет жертвам психологический вред; эти нарушения распространены (страдает большинство лиц, подвергшихся насилию); психологические нарушения существенны; их выраженность не зависит от пола жертв. В работе использованы данные о 18 различных коррелятах СНД, представленные в 59 исследованиях (статьях, книгах, неопубликованных диссертациях). Общая выборка для оценки связи между сексуальной травмой и ее психологическими последствиями составила 15824 человек.

Основной вывод исследования недвусмыслен: «Результаты, полученные на студенческих данных, не подтверждают распространенное мнение, что СНД обладает четырьмя основными свойствами, рассмотренными выше. СНД связано с худшей психологической адаптацией ..., но величина этой связи ... мала. СНД объясняет менее 1% различий в адаптации. Более того, эта маленькая связь не может быть приписана СНД по следующим причинам: (а) переменная семейной среды смешивается с СНД, (b) семейная среда предсказывает проблемы с приспособленностью в девять раз лучше, чем СНД и (с) статистический контроль делает связь между СНД и приспособленностью незначимой. ... Результаты показывают, что на студенческой выборке СНД не вызывает распространенных и интенсивных нарушений безотносительно к полу. ... Результаты ... не следует понимать так, что СНД никогда не вызывает серьезных нарушений у мужчин или женщин – клинические исследования хорошо документировали эти специфические случаи. Результаты говорят о том, что негативный потенциал СНД для большинства переживших его индивидов переоценивается» (Rind et al, 1998, p. 42). Средние корреляции между СНД и ее различными психологическими симптомами варьировала от $r=0,04$ до 0,13.

Более того, авторы показали существенные гендерные различия в восприятии жертвами насилия. Мальчики чаще, чем девочки, оценивали произошедшее позитивно (37% и 11%, соответственно). Результаты противоречили распространенной точке зрения, и для объяснения этих противоречий Ринд с соавторами применили серию статистических процедур для поиска переменных, опосредующих связь между сексуальным насилием и патологией. В частности, они обнаружили, что особенности семейной атмосферы, окружающей ребенка, оказалась намного важнее факта травмы, а инцест и использование взрослым силы вносили особенно существенный вклад в различия в переживаниях травматического события детьми (оба фактора чаще использовались в насилии над девочками). Авторы также проанализировали имеющиеся юридические дефиниции СНД и его

операциональные определения, принятые в академической литературе. Большинство определений СНД было таким: секс между лицом в возрасте до 16 лет и взрослым, который старше жертвы не менее чем на 6 лет, с использованием физического контакта или без него, против воли ребенка или с его согласия. Безусловно, секс между взрослым и ребенком либо подростком аморален и незаконен, потому что согласие последнего может быть обусловлено непониманием последствий. Однако парадоксальные позитивные эффекты СНД частично могут объясняться именно подобными избыточно широкими трактовками, которые включают распространяются на детей и на подростков, на физический контакт и эксгибиционизм, насилие и обоюдное согласие. По литературным данным, подростки мужского пола имеют выраженные сексуальные интересы и часто мотивированы исследовать свою сексуальность и могут сами искать доступных сексуальных контактов со старшими.

«В свете настоящих результатов уместно пересмотреть научную валидность понятия СНД как оно обычно понимается. В большинстве исследований ... СНД определяется скорее на основе правовых и моральных, чем эмпирических или феноменологических критериев. Этот подход может служить защитным основанием для правового ограничения подобного поведения, но он не адекватен ... в контексте научного исследования... *Насилие (abuse)* означает, что определенные действия или бездействие намеренной природы могут вызывать индивидуальные нарушения... Обозначение поведения как насилие просто потому, что оно обычно рассматривается как аморальное или определяется как незаконное, проблематично, потому что подобная классификация может маскировать истинную природу поведения, его действительные причины и следствия» (Rind et al, 1998, p. 45).

Выполняя рекомендации анонимных рецензентов статьи, в одном из последних абзацев напечатанной работы авторы предложили обозначить «желаемый контакт с позитивными реакциями» как «*секс между взрослым и ребенком (adult-child sex)*, *ценностно-нейтральным термином*», а сексуальные отношения против воли ребенка и связанные с негативными реакциями – «*термином СНД (child sexual abuse)*, предполагающим вред для индивида» (Rind et al, 1998, p. 46). Были также предложено ввести подобные квалификации отдельно для подростков, учитывая иную феноменологию переживаний в этом возрасте.

Авторы заключают: «Важно рассмотреть значение настоящего обзора для моральных и правовых взглядов на СНД. Если верно, что незаконность (wrongfulness) в сексуальных вопросах не означает вреда (harmfulness) (Money, 1979), то так же верно, что отсутствие вреда не означает отсутствия незаконности. Моральные кодексы общества в отношении сексуального поведения не должны основываться и часто не основывались на соображениях рассмотрения психологических нарушений или здоровья...

Похожим образом, правовые кодексы могут не учитывать и часто не учитывали подобных соображений (Kinsey et al., 1948). В этом смысле, результаты настоящего обзора не означают, что моральные и правовые определения или взгляды на поведение, классифицируемое сейчас как СНД, должны быть отвергнуты или даже изменены. Данные результаты имеют отношение к моральным или правовым позициям только постольку, поскольку эти позиции основываются на предположении о психологических нарушениях» (Rind et al, 1998, p. 47).

Развернутое цитирование выполняет в данном тексте функцию фактологизации – создания представления о том, что все изложенное является фактами, данными, и свободно от политической и – в значительной степени – от этической составляющей. После публикации статьи Ринда и др., казалось, никто не мог предвидеть, что это частное академическое событие станет одним из самых шумных политических скандалов конца прошлого века.

События развивались стремительно, и самое краткое их упоминание напоминает телеграфные сообщения с театра военных действий (см. Garrison & Kobor, 2002, Lilienfeld, 2002, Arbeitsgemeinschaft Humane Sexualität). В декабре 1998 г. на сайте Североамериканской ассоциации любви между мужчинами и мальчиками (NAMBLA) в рубрике «Хорошая новость!» появилась первая, чрезвычайно примитивная интерпретация статьи. Спустя две недели возмущенная Национальная ассоциация исследований и психотерапии гомосексуалистов (NARTH) – консервативная организация, выступающая за восстановление гомосексуализма в классификации психических болезней и за лечение лиц с сексуальными перверзиями, – на своем сайте дала жесткую оценку статьи и психологии в целом как науки, защищающей педофилию. Фактически, «специалисты» NARTH составили себе представление о статье Ринда и др. на основании извращенного видения предыдущих интерпретаторов. В свою очередь, на это событие отозвались некоторые консервативные обозреватели мелких СМИ.

С этого момента на сцену выходит общественность и ее вожди. Ряд посетителей интернета и слушателей местных радиостанций информировали о вопиющей публикации доктора Лору Шлессингер (Schlessinger), или просто «доктора Лору», влиятельную ведущую ежедневной передачи, имевшую тогда до 18 миллионов радиослушателей, собственный сайт и множество фанатичных поклонников (см. Dr. Laura). Д-р Лора действительно получила докторскую степень по физиологии, но в своих передачах обсуждала решительно все с правых или крайне правых позиций, например, – феминизм или право женщин на свободное принятие решение об аборте. В данном случае среди ее информаторов были психологи (напр., S. Samenov), математики (J. Paulus) и другие ученые. Многие письма, направленные д-ру Лоре и затем опубликованные в интернете, содержали следующие пассажи: «Я математик, я никогда не занимался мета-анализом, но уверен, что это

совершенно невалидный метод». Это напоминало знакомое нам: «Я мать троих детей и знатная ткачиха, я, конечно, сама не читала Бродского, но гневно заявляю, что тунеядцам у нас не место».

Впоследствии комментаторам не удалось найти никаких знаков того, что д-р Лора прочла статью Ринда и др. целиком, однако она умело использовала письма добровольных помощников. В двух передачах (22 и 23 марта 1999) она провела блестящий по риторике «анализ» статьи, обвинила авторов в педофилии, высмеяла мета-анализ как метод научного исследования и назвала психологию «грязной наукой», заинтересованной в легитимизации педофилии. В обвинениях, воспроизведенных в консервативных СМИ, не было решительно ничего, напоминающего правду. Как убедительно показал О. Лилиенфельд (Lilienfeld, 2002) и обвиненные авторы (см. сайт IPCE), если бы рекомендации критиков были полностью учтены, результаты мета-анализа были бы еще более драматичными.

В течение марта и апреля исполнительное руководство Американской психологической ассоциации (АПА), насчитывавшей почти 160 тысяч членов, постоянно собиралось на совещания, чтобы подготовить пресс-релиз с ответом на очередные обвинения и разработать планы дальнейшей борьбы. Поскольку в стране приближался год выборов, ситуацию использовали в своих интересах правые конгрессмены. Сначала резолюцию с осуждением статьи и АПА принял конгресс Аляски (Controversial Research...), затем законодательные органы ряда других штатов. Местные психологи с тревогой звонили в АПА, сообщая о планах законодательных ограничений психологической деятельности и сворачивания программ психологических исследований.

В начале мая 1999 конгрессмены США от республиканской партии М. Салмон, Т. Дилэй и Д. Уэлдон провели пресс-конференцию с участием д-ра Лоры, специально прилетевшей в Вашингтон. Там был оглашен проект Резолюции 107 Конгресса США с безусловным осуждением статьи, журнала и АПА и с требованием к АПА осудить статью как ненаучную и антиобщественную. Особенно убедительно выглядел лидер республиканцев в палате представителей Том Дилэй (Delay), известный стране как приемный отец и активист движений в защиту детей. В свете его заслуг мало кто обращал внимание на то, что Дилэй упорно путал Американскую психологическую и Американскую психиатрическую ассоциации. АПА незамедлительно направила в Капитолий «Письмо конгрессу» с напоминанием заслуг психологии в защите прав детей, с изложением принципов анонимного рецензирования статей в журналах и принципов научной свободы. Письмо было сейчас же квалифицировано Лорой как «наглая и грязная ложь». В этот момент ведущие газеты страны, такие как New York Times, опубликовали более взвешенные и осторожные обзоры и осудили манеры ведения борьбы Лорой и ее сторонниками. АПА наняла лучших адвокатов, которые в течение нескольких недель работали в

кабинетах на Капитолийском холме, пытаясь прийти к соглашению с конгрессменами. Ассоциация обратилась за поддержкой к другим научным обществам, но Национальная академия науки и Американская ассоциация достижений в науке (AAAS, American Association for the Advancement of Science) отказались публично подтвердить объективность и качество коллегиального рецензирования статей в психологических журналах.

Заглушить скандал не удалось. В июле 1999 произошла полная капитуляция психологии как профессионального цеха и академической организации. Исполнительный руководитель АПА был вынужден публично осудить статью Ринда и др. и пообещал впредь оценивать более строго публикации, способные повлиять на социальную политику. Впервые за более чем столетнюю историю АПА статья была направлена на экспертизу во внешнюю организацию (AAAS). И, тем не менее, 12 июля Палата представителей приняла Резолюцию 107 в слегка смягченном виде (???) 355 голосами «за» при 13 воздержавшихся. «Против» не голосовали даже психологи, являющиеся членами Палаты. Спустя две недели резолюция была единодушно одобрена сенатом.

В пылу борьбы стороны не успели задуматься над фактом, что отсутствие существенных негативных последствий психической травмы действительно является хорошей новостью.

Тем, кто полагает, что подобные события не могли произойти в нашей стране хотя бы потому, что у нас в сотни раз меньше журналов, в десятки тысяч раз меньше психологов, в миллионы раз меньше средств, выделяемых психологии, и нет ни одной статьи, сопоставимой по уровню с Rind et al., – этим читателям хотелось бы напомнить другие истории, например, с массовым появлением консультационных кабинетов, ориентированных на помощь «чернобыльцам» и стремительном исчезновении этих кабинетов, об открытии и закрытии факультетов, о попытках подготовить особый закон, регулирующий некую психологическую безопасность граждан.

В капитуляции АПА видится крах всей академической системы, посвятившей себя служению чистой истине. Дитя Просвещения, с его идеалом свободы и прогресса, светский университет был также детищем Гумбольда и реализацией прусской идеи о разделении миссий: политики изобретают цели и разрешают моральные проблемы, а ученые, слуги истины, должны заботиться лишь о поиске наилучших средств достижения целей. В своем служении профессура не должна соотносить свои шаги с правителями, политика должна быть изгнана из университетов. Перспективные направления науки, качество исследований и диссертаций, кадровые вопросы должны определяться коллегиально и на основании исключительно экспертных, а не политических суждений. Наука свободна от ценностей, и только поэтому она свободна от слепоты. Система анонимного рецензирования (peer review), которой так гордятся уважаемые научные сообщества вроде АПА действует как реализация принципа

коллективной самокоррекции: мы распознаем и указываем на ошибки в работах друг друга. Именно этим – повышенной любовью к критике и самокоррекции – наука отличается от псевдонауки, от поп-науки, от д-ра Лоры, от обыденного смысла. Позитивистский идеал академии предполагает тщательную критическую проверку самых заветных идей. Вторжение политики в эту работу опасно, вместе со свободой умирает способность мыслить. Деятели АПА, извлекая уроки из скандала со статьей о сексуальном насилии над детьми, обсуждают меры санитарного свойства: либо готовиться к вторжению политики в наши лаборатории, например, завести сторонников психологии во всех политических лагерях внутри законодательной системы (Garrison, Kobor, 2002), либо образовывать обывателей, указывая на предвзятости, тенденциозности и логические ошибки в их мышлении (Lilienfeld, 2002).

Думается, что этих мер недостаточно. Скандал со статьей указал не только на слабость АПА, но и на слабость старой, одномерной и критериально-ориентированной этики, в которой профессиональные этические кодексы играют роль простейших гигиенических мер вроде мытья рук, но не защищают граждан от опасности быть превращенными в «испытуемых» или «объекты исследования». Должны ли мы быть честными в гендерных исследованиях, констатируя «факты», – вне зависимости от того, что такая констатация способна ущемить интересы стигматизированных групп? Должны ли мы указывать на предвзятость феминистских авторов, сознательно замалчивающих или недостаточно репрезентативно цитирующих мужские голоса?

Слабость анонимной системы рецензирования проявилась вовсе не в том, что рецензенты часто ошибаются и не предвидят долгосрочных последствий публикаций, а согласованность между оценками коллег низка и отражает традиции и вкусовщину. И не в том, что влиятельные деятели науки знают друг друга в лицо и договариваются о выгодных отзывах. Слабость в том, что сама эта система используется государственными и частными фондами для проектирования науки, для политического определения приоритетов и распределения денег. Не следует ли нам учесть реальные напряжения власти, умертвить гендерную психологию в ее старом обличье и дурацкими играми «Вот мужчина и женщина: найди 10 различий», и на ее месте построить новую, где вместо черт и способностей, темперамента и индивида появятся власть и влияние, предрассудки и ожидания, отношения и дискурс?

Напротив, сила д-ры Лоры не может быть объяснена ее активностью и харизматичностью. Это сила нападения: обвинять всегда легче, чем защищаться, а критиковать легче, чем оправдываться, что усвоили феминистские авторы. Риторика оправданий скучна и скудна. Кроме того, обыденное сознание и зримые идеи всегда сильнее концептуального мышления и формальной логики. Смеет ли смысл приостановить поиски

нового знания, раскопки новых корреляций и вместо этого заняться реформацией обыденности, переустройством старого знания?

Подобные вопросы разрушают привычную систему представлений на науку как сферу «чистых» занятий. Феминизм помогает нам понять, что факты и ценности, исследования и политика, действия и этика нераздельны. Он также предлагает новые этические системы взамен упрощенных позитивистских схем (см. Christians, 2000), в которых, например, лишь психолог имеет право на расспросы клиента, тем самым упрочивая асимметрию властных отношений. Проблема видится в том, что введения нового языка недостаточно. Этический релятивизм и ситуационизм дает право жертвам Холокоста обвинять Х. Арендт в защите зла; в конце концов, отношения между насильником и жертвой не являются необратимыми. Этика заботы и участия оказалась весьма любезна организациям педофилов. Этика защиты способствует романтизации жертв или стигматизированных групп, например, цыган. Этика коммунитаризма порождает серьезные проблемы в коллективистских культурах, а в США чудесным образом сосуществует с прагматическим индивидуализмом. Более того, авторы некоторых феминистских сборников говорят о многоголосии как-то очень в унисон.

Новый дискурс разрушает не только позитивистские идеалы. В том же году, когда началась буря вокруг академической статьи Ринда и др., с похожими проблемами столкнулось движение, эпистемология и ценности которого не просто отличны, но противоположны. Речь идет об истории с повествованием гватемальской женщины индейского происхождения Ригоберты Менчу (I, Rigoberta Menchú). Опубликованный нарратив знаменит не только особым социальным звучанием. Это одна из первых *исповедей*, идеализированных как образец новой, неколониальной этнографии. Социальные исследователи придумали специальное обозначение – не нарратив как жанровое средство жизнеописания европейских женщин, знакомых с традицией повествований, не *oral history* как форма социализации женщин, устное сказание, а *testimonio*: крик угнетенного человека, который не обучен грамоте, не знаком с правилами светских жизнеописаний, не читал мемуаров и использует этнографа с его диктофоном как единственное средство для того, чтобы быть услышанным.

Этнограф, которая записала эту жизненную историю в своем доме в Париже, Э. Бургос-Дибрей, в предисловии к книге представляет свою героиню со слов самой Ригоберты: Это дочь национального героя Гватемалы, который возглавил группу индейцев, захвативших в 1981 г. здание испанского посольства в Гватемале, чтобы привлечь внимание других стран к своим проблемам, и был зверски убит солдатами. Мать Ригоберты была замучена, а брата сожгли заживо на глазах у всей семьи. После этих событий Ригоберта вступила в Национальный фронт и теперь готова говорить о страданиях своего народа, хотя сделать ей это трудно, поскольку в школе она

не училась, книг не читала, а по-испански начала говорить только три года назад.

Вот она, этика и политика в одном тексте, без скучных опросов и сухих опросов.

Проблемы начались после того, как другой антрополог, Дэвид Столл, побывал в 1998 в Гватемале, разыскал и побеседовал с родственниками Ригоберты. Первое опубликованное Столлом сообщение называлось «Жизненная история как мифопоэзия». Как выяснилось, Ригоберта не могла быть свидетелем событий, о которых она рассказала Бургос-Дибрей, потому что провела несколько лет вдали от семьи в школе с испанским языком обучения. Ее отца действительно зверски убили – его же свояки и родственники – за то, что пытался украсть у них землю. Иными были обстоятельства смерти ее братьев и матери. Иной была вся ее жизнь.

Была ли вообще Ригоберта Менчу?

На этот раз внутринаучный скандал коснулся тех методов и тех академических верований, которые выражали и обслуживали социально-ориентированные исследования и новую этику. После кратковременного шока ответ социологов и антропологов был обескураживающе простым и одновременно уверенным. Да, она лгала. Да, ложь нельзя удалить из нарративов и исследований. Но эта ложь несоразмерна социальному эффекту этой исповеди. Посредством Ригоберты о себе говорил порабощенный народ. Мы должны сказать «прощай» последним иллюзиям и остаткам романтизма. Как трезвые, зрелые, ответственные люди, мы обязаны использовать подобные повествования как основание для социальных реформ. Отказаться от мифа нельзя по политическим причинам.

Но, может быть, мы можем приступить к социальным действиям сразу, по наитию, по голосу сердца, по этическому разумению, не придумывая фактов?

Сивуха С. В. Психология личности: между теорией и практикой /Психологическая практика: проблемы и перспективы /Под ред. Г. М. Кучинского. –Мн.: ЕГУ, 2002, с. 57-103.

Christians C. G. Ethics and Politics in Qualitative Research /N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Handbook of Qualitative Research. –Thousand Oaks: Sage, 2000. Pp. 133-162.

Garrison E. G., Kobor P. C. Weathering a Political Storm: A Contextual Perspective on a Psychological Research Controversy //American Psychologist. 2002. Vol. 57. No. 3. pp. 165-175.

Menchú R. I, Regoberta Menchú: An Indian Woman in Guatemala (Ed. E. burgos-Debaray). –London: Verso, 1984.

Lilienfeld S. O. When Worlds Collide: Social Science, Politics, and the Rind et al. (1998) Child Sex Abuse Analysis //American Psychologist. 2002. Vol. 57, No. 3. Pp. 176-178.

Rind B., Tromovich P., Bauserman R. A Meta-Analytic Examination of Assumed Properties of Child Sexual Abuse Using College Samples //Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. No. 7. Pp. 22-53. <http://www.arcados.ch/sonderfall/totengraeber/rtb.studie.reaktionen/rtb.59meta.endt1999/rtb.meta.analysis1998.html>

Dr. Laura. [http://www.drlaura.com/main/Arbeitsgemeinschaft Humane Sexualität e.V. Archiv:](http://www.drlaura.com/main/Arbeitsgemeinschaft_Humane_Sexualität_e.V._Archiv:)
http://www.imo.myweb.nl/library_two/files/ahs_rind.htm

IPCE: <http://www.ipce.org/>
Controversial Research Study on Impact of Adult-Child Sex:
<http://www.prevent-abuse-now.com>